

— Дирижёр делает шкатулки? Ну и что? Менделеева вообще многие знали не как создателя периодической системы, а как мастера по чемоданам...

Чемодан, чёрт побери, стоит и тут — прямо на виду, у входа в комнату, старый, пятидесяти лет; то ли инструмент хранит, то ли путь фанерных менделеевских предков повторить намерен.

А хозяин с первых секунд привлекает и словами, и обликом, и образом жизни. Геннадий Иванович Руднев, заслуженный работник культуры России, легенда нескольких поколений орловских музыкантов.

Долгие годы отдал главному своему призванию, блестяще играл в духовом оркестре завода приборов, там же возглавлял мужской вокальный ансамбль.

Любители музыки отлично помнят его изысканный дирижёрский наряд, роскошную эйнштейновскую причёску-гриву, такую же истовость и одновременную отрешённость в глазах.

Перед концертом к Рудневу с разговором лучше было не подходить: он уже весь был там, в глубинах классических мелодий; ещё скрытый занавесом, делал руками взмахи и пассы.

Репертуар он не раздвигал, но шлифовал одни и те же вещи снова и снова, до бесконечности и всеобщего исполнительского изнеможения; его скрупулёзность вошла в местные предания.

Его прямота, с которой он высказывался, будучи в

многочисленных конкурсных жюри, частенько смущала управленческих чинов, привыкших к осторожности и компромиссам. Геннадий Руднев и сейчас вполне успешно руководит камерным хором Орловского РДК, однако сил это отнимает меньше прежнего — и изрядную часть времени маэстро проводит дома. А дом тот... В однокомнатной квартире, заваленной поделками и безделками, с телевизором, испуганно гнездящимся на шаткой стопе старых книг, нет ничего музыкального, ни нотных партитур, ни голосистых инструментов.

— Не отказался бы поиграть, но зачем соседней дразнить? Лучше гляньте, какие у меня часы.

Часы обычные, магазинные, однако внизу деревянно-кружевные прилады будто бы под гири и маятник, по углам циферблата сидят друг против дружки бабочка на полвторого да черепаха на полвосьмого.

— Что сие значит?
— Это значит: "Порхай, порхай, стервец, всё равно со временем поползёшь, как черепаха".

Другие часы ещё веселее: хоть механика тоже простая, где-то в торговых отвалах выисканная, зато ездит по полу на колёси-

ках, вся в ящичках-барчишках, с дверцами, с барометром, с виньетками да амурами-лямурами.

— На продажу, что ли?
— Для меня продажа — дело тридцать третье. Может, детдому какому подарю, а может, расколю и переделаю.

Непривычного гостя его импульсивность слегка цепенит. Он барсом скачет с мысли на мысль, вновь возвращается к первой, да

ещё сердится, что ты за ним не поспеваешь.

Перебивать, уточнять не

следует — Руднев плывёт в стремнине собственного рассказа, плыви покорно и ты, коли хочешь познать этого милого чудака.

— Кормлюсь я этим делом... Ну что непонятного: не сам кормлюсь, душа моя им кормится!

Сказал бы обыденно: для души — как привыкли изъясняться мы, замороженные строчкогонством газетчики. Но тогда бы Руднев не был Рудневым, поскольку он нестандартен, глубок и щепетилен до звона в сердце.

— Чего вы оба ладони свои на стол положили? Да

стол, он глянь — чист, как зеркало!

Стол его нынешняя отрада. Эксклюзив, столярное соло, если позволите так сказать. Иному писателю, наверное, и впрямь такой стол, что рояль музыкальному виртуозу.

Сияет, манит, обещает вдохновенные симфонии строк. Ящички со всех четырёх сторон, внутри них какой-то секрет, который откроется только будущему владельцу.

— А если не будет, и не надо, и не открою. Зато ещё конторку тут прилажу, материалы какие повсюду

тура. Прямота и мягкость, упрямство и вдохновенность — чудный, спасительный сплав души. Как сказано, спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи. К нему приходят.

В свои шестьдесят шесть он нисколько не страдает от скуки. Выкладывает пятнадцать тяжёлых самодельных (старым фоторезаком (край обложки обрезал) альбомов. Страницы в цветных покупных открытках: Кремлёвский дворец и Александр Шиллов, грибы и птицы, гжель и кактусы.

— Что-то на окнах цветов не видно.

— Не вожу. Но природку люблю, — по-детски доверительно прозвучало это "природку". — Смотри, что за красота.

Шкатулка тоже явно любимая его поделка. Ходит с ней по комнате, поворачивает на все лады; снимает тяжёлую крышку со звёздами, с крылатым пузаном ("какой тебе Стрелец? Это амур!"), с бархатом и стеклом; прикладывает к стене:

— Вот вам и картина! Всё-таки сбиваем разговор на музыку. Геннадий Иванович врожденно честен:

— Что музыка? Не повезло Орлу: нет у него губернского духового оркестра. Да, военный есть, и хороший, но почему бы не создать городской, по примеру симфонического?

Нами остался недоволен.

— Торопыги вы, куски не жуя хватаете, а я ещё многое бы растолковал.

— Да мы одних карточек на два очерка сняли, никакого места в газете не хватит...

Машет разочарованно рукой, почти прогоняет. Нет в нас его скрупулёзности, его долгого дыхания. Утонули в его экспрессии, в фонтане идей.

Он любит всё, кроме вранья, кроме запахов табака и спиртного, кроме праздности. Про те же шкатулочные золотые звёздочки из фольги он мог бы полчаса говорить — как по всему городу рыскал, искал подходящее, как пятнадцатирублиевые пустышки в изумительную инкрустацию передельвал...

...Одного из самых любимых и знаменитых своих императоров древние римляне после долгих лет блистательного правления с почётом отправили на покой.

А через несколько лет со слёзным поклоном пришли просить вновь возглавить вдруг пошатнувшуюся империю.

Великий старик отказался; объяснил, хоть и знал, что такого его объяснения скорее всего не поймут:

— Видели бы вы, какую капусту я выращиваю у себя на грядках!

Счастливым был человек. И его поняли.

Счастлив и Геннадий Иванович Руднев.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

СОЛО ДЛЯ СТОЛА С СЕКРЕТОМ

появились! Ножки эти витые ещё обновлю; он же полувекковой, рухлядь была, а теперь тут окантовочки из дуба — не трай! — видишь, какие тоненькие, но никак нельзя без них.

Блестящая чернильница египетского мотива фараонски смотрит на пришельцев. Сюда бы ещё перо гусиное.

— Не для чернил, конечно. Литьё!

Переводит музыкально-столярный свой перст куда-то на шкаф, там — литой медведь и чёрный футболист; у обоих одинаково чугунный взгляд.

— Каслинское литьё! Я родом из города Касли, знаменитые там литейщики, там Миасс, Челябинск...

Уральское литьё, музыкальное училище, детский дом, институт культуры, тромбон, труба-баритон, армия, дирижёр-хормейстер, военный оркестр... Считай, случайный, однако же и романтический приезд в 1962 году в Орёл, в город, ставший пристанищем на всю жизнь, — вот такой крепкий коктейль судьбы, такое житейское многоголосье...

Очень притягательный человек, очень цельная на-

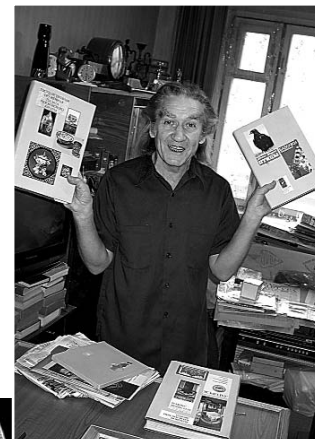

Фото Вячеслава МИТРОХИНА.